

Публикации

В.И.ВЕРНАДСКИЙ

ПАМЯТИ ДРУГА

В 1943 г., находясь в эвакуации в пос. Боровом (Казахская ССР), В. И. Вернадский работает над автобиографической статьей-хронологией «Главнейшие биографические даты». В разделе «1892 год» он записывает: «Умер мой большой друг — астроном И. А. Клейбер» (Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 103).

Иосиф Андреевич Клейбер (1863—1892), человек яркой и трагической судьбы, прожил короткую жизнь. Ему не было еще и 30 лет, когда он в начале 1892 г. скончался от туберкулеза. Необычайно, можно сказать, фантастически одаренный, И. А. Клейбер уже на первых курсах физико-математического факультета Петербургского университета, где он учился с 1881 по 1885 г., сформировался как зрелый ученый. В 1882 г. Клейбер завершил работу «Астрономическая теория падающих звезд». Вскоре она была издана отдельной книгой, полустойной Золотой медали университета. Как и вышедшая незадолго до его смерти монография «Определение орбит метеорных потоков», эти книги и поныне имеют научную значимость. Второе сочинение содержит вычисленные Клейбером параболические орбиты для 918 метеорных потоков. Он доказал две фундаментальные теоремы о пространственной скорости звезд, применяемые в звездной астрономии.

Астрономия — основная, но далеко не единственная сфера научных интересов И. А. Клейбера. Он — автор многих трудов по математике, геометрии, космической химии, метеорологии, истории астрономии, истории арифметики, проблемам высшего образования. Уже к 1887 г. Клейбер избирается действительным членом ряда научных обществ: Русского физико-химического, Императорского русского географического, Германского метеорологического, Международного астрономического и др. А ведь ему тогда шел 25-й год.

Большое внимание И. А. Клейбер уделял популяризации астрономических знаний. В 1886—1887 г. вышедшие отдельными изданиями астрономические работы Клейбера привлекли внимание А. Н. Толстого, некоторые из них публиковались в издававшихся им «Календарях» для народа (Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 473—474; Т. 63. С. 417—418; Т. 64. С. 10—12, 53—54).

В Петербургском университете И. А. Клейбер вступает в члены Студенческого научно-литературного общества (1882—1887), сыгравшего заметную роль в истории отечественной науки и культуры, избирается председателем его научного отдела. Здесь он сближается с большой группой молодых людей, ставших впоследствии крупными учеными, общественными и политическими деятелями. Это были В. И. Вернадский, С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги, Д. И. Шаховской, И. М. Гревс, А. Н. Краснов, С. Е. Крыжановский, А. И. Ульянов и др.

Безвременная кончина И. А. Клейбера потрясла его родных, друзей и коллег. Было решено издать сборник, посвященный памяти ученого. В. И. Вернадский взялся за подготовку биографического очерка о жизненном и творческом пути и человеческом облике Клейбера. К сожалению, замысел этот по различным причинам реализовать не удалось. Сборник издан не был. Работа Вернадского над очерком продвигалась с большим трудом и не была завершена. О том, как она протекала, какие препятствия встали перед автором, дают некоторое представление письма Вернадского к жене, написанные в феврале-марте 1892 г. из Москвы.

26 февраля В. И. Вернадский пишет: «Вчера вечером набросал и передумал весь план статьи о Клейбере. Но я совсем не умею писать! Мне хочется изложить его жизнь в связи с тем течением, в котором готовилась значительная часть нашего поколения, только теперь вступившего в жизнь. Сперва строгая научная работа. Студенческое общество как род self government самоуправления и связи молодых сил, работающих в разных отделах, — вследствие этого расширение кругозора и интереса вне формальных делений наук ...Теперь, когда стоит его жизнь передо мной, больно становится при мысли о его смерти» (Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1889—1892. М., 1991. С. 193—194). 12 марта: «Об Иосифе Андреевиче пишу, но больше пишу, но больше пишу; такая вещь не может писаться по приказу. Тяжелое настроение налагает его смерть. Тяжело, грустно...» (там же, с. 206). 14 марта: «Статью о Клейбере несколько раз принимаюсь писать — не выходит» (там же, с. 208). 17 марта: «О Клейбере пишу понемногу. Сборник так скоро не выйдет, а я не могу, не

могу писать о нем, постоянно думая о цензуре и о количестве отведенных мне строк» (там же, с. 210).

Вероятно, попытки завершить работу над очерком были окончательно оставлены Вернадским во второй половине марта 1892 г. и впоследствии более не возобновлялись. И все же сохранившиеся в его личном архиве наброски-варианты имеют самостоятельное значение. С разной степенью полноты дополняя друг друга, они, в конечном счете, представляют собой нечто целое.

Свой очерк Вернадский никак не озаглавил. Здесь мы принимаем название, несколько лет тому назад предложенное В. С. Неаполитанской, хранителем мемориального Музея В. И. Вернадского при Институте геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского Российской Академии наук. Там оно представляется наиболее удачным.

Впервые публикуемый очерк посвящен памяти И. А. Клейбера и 130-летию со дня рождения В. И. Вернадского.

Недавно в Ницце скончался молодой русский ученый Иосиф Андреевич Клейбер. Смерть его была совершенно неожиданна для всех, близко знавших его. Он умер в полном расцвете сил. Его научная деятельность только что началась, перед ним выдвигался целый ряд вопросов, на которые его пытливый ум, при блестящей, разносторонней подготовке покойного, мог и должен был дать ответы. Смерть прекратила эту деятельность, но личность Иосифа Андреевича была столь крупной, что потеря его, хотя он и принадлежит к тому поколению, которое только что вступает в жизнь, не должна и не может пройти незамеченной. Его влияние на целый ряд людей, переживание им целого ряда событий, не входивших и не принимавших характера настоящих общественных явлений, но тем не менее подготовлявших <их, было несомненным>. Если вновь вступающее <в жизнь> поколение выдвинет из среды своей личностей, то эти личности складывались <также и> под влиянием <людей, подобных Клейберу>. Тяжело и печально в наше время — время пустоты и отсутствия личностей — хоронить молодые силы. Сознание, что эти силы не даром погибли, <служит слабым утешением>.

И. А. Клейбер родился в С.-Петербурге в 1863 году. В 1881 г. он поступил в столичный Университет, где окончил курс в 1885 году. Это было время перехода от старых порядков к новым — время переживания старого. Это время не могло пройти бесследно для всего поколения, перед которым происходило изменение Университетских порядков¹. В Петербурге, среди молодежи, в это время шла усиленная, горячая работа. Образовалось несколько кружков, где серьезный научный интерес соединялся с серьезным взглядом на жизненные идеалы. Часть этой молодежи взяла в свои руки ведение Студенческого Научно-Литературного Общества, во главе которого стоял покойный Орест Федорович Миллер².

И. А. Клейбер, поступив в Университет, горячо и всецело отдался занятию математикой, и скоро остановился на теоретической Астрономии³. Его живая, впечатлительная природа не могла, однако, отдаться одной узкой специальности, его влекли к себе более общие философские задачи, и ум его останавливался на вопросах, имеющих связь с явлениями мироздания. В Университете он заинтересовался вопросом о Падающих Звездах, <затем> перешел к метеоритам (вопрос, который в это время вызывал большие споры). Но все эти <вопросы> отошли по своему влиянию в сторону, <когда> И. А. Клейбер вступил в Студенческое Научно-Литературное Общество. Это было время горячих споров среди интеллигентной молодежи: наряду с первыми, старыми социальными и экономическими вопросами стали на первый ряд сперва этические, а затем вопросы политические⁴.

Образовавшееся при Университете — при совершенно особых условиях — Студенческое Научно-Литературное Общество под влиянием общего настроения изменило свой характер. В него вошли и мало-помалу дали ему направление люди, для которых страшно дороги были интересы науки, которые вполне сознавали общественное значение правильной постановки высшего образования и которые понимали, что реакция, разрушая университет и вводя в его перестройку задачи и цели, с наукой ничего общего не имеющие, губила самое живое в России, наносила пагубный удар дальнейшему развитию и росту нашей родной страны.

Для нескольких отдельных кружков, которые соединились в это время в Студенческом Научно-Литературном Обществе, стояла задача — поддержать общестуденческий дух при усиленной научной* работе, свести людей различных факультетов и различных научных интересов и приучить их работать вместе во имя общечеловеческих — не узкоспециальных — идей, которые составляют самую суть всякой науки, во имя создания общей солидарности всех научных работников, во имя Университета и его интересов. Мало-помалу создалось Общество, чуть не впервые являющееся в русских Университетах, но по самому составу и по самим це-

* Здесь и далее выделено В. И. Вернадским.

лям своим представляющее из себя одно из основных условий правильной постановки Университетского образования.

Все стремления разбить силу и значение Университета как общественной и научной организации всегда направлялись на стремление разбить Университет на отдельные факультеты. Всюду, где были лишь отдельные факультеты, где в них переносился центр тяжести всей жизни Университета — Университета не было. Он терял то, что составляло основное коренное его отличие, что давало ему жизнь и значение. Не в узкой, специальной работе, не в исполнении заданных тем должна сосредоточиваться деятельность студента — она должна идти в научных, специальных занятиях на фоне общих научных интересов, широкого, глубокого ознакомления с интересами и вопросами общественной жизни и науки, при сильном развитии самоуправляющихся студенческих единиц. Студенческое Научно-Литературное Общество представляло из себя и представляет значение как попытки сосредоточивания общих интересов в этом смысле. Оно воспитало целый ряд таких людей, приучив их со студенческой скамьи иметь дело с людьми других специальностей и другого характера образования, приучив их всех вести одно общее дело. На этих людей оно оказывало тем самым широкое и глубокое воспитательное влияние.

Это значение сильно понималось и чувствовалось покойным Иосифом Андреевичем, и не раз он выражал <ту мысль>, что для него Студенческое Научно-Литературное Общество много дало, так как ему он обязан укладом своей жизни.

Иосиф Андреевич вошел в Университет несколько при особых условиях. В семье он жил вдалеке от обычного течения русской жизни. Вопросы, глубоко волновавшие и волнующие не одно поколение русских людей, задачи, которые определяют всю жизнь и всю его деятельность, были здесь чужды и неведомы. Вся жизнь была построена на отчуждении, на презрении к таким идеалам, которые не коснулись этой семьи — нередко встречая в ней враждебное противодействие.

Иосиф Андреевич до Университета рос совершенно чуждым от всяких влияний. Поступив в Университет, он страстно, горячо принялся за изучение математики, лишь мало-помалу переходя к общим философским и логическим ее основаниям. Все лучшие годы студенческой жизни прошли у него в абстрактных исканиях и трудовой работе — но эта работа и эти искания сами по себе не могли <дать> и не давали ему смысла жизни. Уцелевшее от старых времен Студенческое Математическое Общество вызвало в нем первые сближения с людьми, и с некоторыми <из них>, как с Л. В. Келлером⁵, Иосиф Андреевич сохранил навсегда сердечную дружбу. Природа у него была привязчивая, душа страстно рвалась к людям, и он не мог жить одиноким, сухим отшельником — монахом науки. В семье он не находил отзвука — слишком размеренно и уверенно, по обычным, неизменным рамкам шла там жизнь, а у него рождались сомнения, и он страстно искал оснований сознательной жизни. В математическом кружке, куда он вошел, интересы были исключительно специальные. До известной степени каждый специальный кружок является кружком ремесленников, а интересы ремесла не могут дать полного удовлетворения молодой, широкой натуре, пытливому уму искателя.

Не находя дома ответа на свои стремления, отгороженный стеной от внешнего, свободного мира — мира, где идет борьба за правду, где мысль неуклонно созидает и рушит, где горячо бьются сердца — Иосиф Андреевич пытается вначале удалиться в одну специальную науку. К этому времени относится работа, написанная им на золотую медаль, — «Теория падающих звезд», послужившая для него весьма важным началом. Я не буду теперь касаться этой работы, замечу лишь, что занятие этой темой неизбежно поставило перед ним космогонические вопросы. А этим самым смысл его математических и астрономических исканий сразу получил широкую подкладку.

Общие вопросы еще сильнее стали перед ним и увлекли его в области других интересов, разделенных в нашем шаблонном и строгом делении на факультеты, к другому факультету — к областям химии, геологии и минералогии. Он стал искать сближения с людьми вне тесного кружка молодых математиков.

Иосиф Андреевич уже и раньше тяготился буржуазным характером своей домашней жизни и филистерской, ремесленной обстановкой своей университетской работы. А тут, при возникновении интереса к основным космогоническим вопросам, такая жизнь стала неспособна, искание новых сближений и новой среды сказалось яснее и неотразимее.

Только что вступившее в студенческую жизнь Студенческое Научно-Литературное Общество привлекло его внимание, и он захотел войти в него. Он никого не знал, а войти <в Общество> было трудно, так как баллотировка производилась с большим выбором. Здесь сказалась резкая черта его характера — непреклонность воли, прямота поступков. Не зная никого <из членов Общества>, он решился обратиться к первому студенту, про которого слышал, что тот был членом Студенческого Научно-Литературного Общества — и обратился во имя общестуденческих интересов: через Н. А. Рейтлингера⁶ он вошел в Студенческое Научно-Литературное Общество, и сразу занял в нем выдающееся положение, а новые вопросы, но-

вые люди как бы открыли перед ним горизонты новой жизни, куда ему только теперь удалось прорваться.

Здесь впервые ему пришлось встретиться с целым рядом людей, все мировоззрение которых было построено на совершенно других данных, чем его; здесь для него явился более ясным — при столкновении с людьми, для которых целые области <науки> были недоступны — вред специализации.

У нас в обществе много говорят о вреде специализации и много потешаются над специалистами — между тем, нигде специализация мысли и специализация знаний не доведена до такой степени, как среди общества — особенно общества русского. Такая специализация вредно отзывается на всей его жизни и на всех его поступках — она есть самое пагубное последствие неправильной постановки нашего образования. Мы постоянно встречаем людей, которые должны вырабатывать теперь известное мировоззрение, не имея абсолютно никакого понятия о науках естественных, встречаем граждан, которые должны так или иначе действовать или укладывать свою жизнь, не имея понятия ни о праве, ни о политической экономии. Вред такой специализации трудно исчислим — и едва ли какая европейская страна представляет нам подобное состояние общества, как наша <страна>, едва ли где приходится действовать вместе совершенно чуждым специалистам, да еще плохим специалистам. Это и придает особый характер малой культурности русскому обществу, так как все образование у нас — самое некультурное.

Таковыми специалистами кончают у нас студенты, и таким <специалистом> кончал Математический факультет И.А.Клейбер. В Студенческом Обществе он столкнулся с новыми людьми и новыми задачами, и с жаром принялся за чтение. Мысль его направлялась и строилась в спорах — он начал глубже и больше вдумываться в окружающую его жизнь и отходил от той искусственной обстановки, какая была создана ему семьей и специальной научной работой.

Он освоился необыкновенно быстро. Блестящие способности, привычка и умение быстро работать скоро начали справляться с новыми для него фактами, теориями, и мало-помалу все это новое начало выливаться в стройное мировоззрение. Иосиф Андреевич обратился к вопросам, связанным с приложением математического анализа к общественным и биологическим явлениям. <Его занимали> вопросы образования, роль их в это время и влияние на некоторые кружки молодежи как следствие закрытия <Высших женских> курсов и реформы Университета. <Следуют быть отмечены> работа Иосифа Андреевича в «Русском Богатстве», глубокий интерес к женскому образованию. Он выдержал магистерские экзамены, <прошел> курс на Юридическом факультете: его значение лично для Иосифа Андреевича <было немалым>. В это время сильно проявились этические интересы Иосифа Андреевича — перевод «Этики» Вундта. <Перевод> Эберти⁸.

Его деятельность — теперь уже по окончании Университета — была для него впервые тем, чем часто бывает Университет для обычного студента. Столкновение с новыми людьми, с новыми интересами изменило способ его научной работы и ее характер, изменило его интересы и открыло перед ним совершенно новые горизонты жизни. Он из Университета попал в совершенно для него неведомый раньше мир.

Перед ним открылся тот своеобразный, богатый интересами и мыслью русский интеллигентный кружок, который — несмотря на всю свою несуразность — несомненно представляет одно из чрезвычайных оригинальных явлений русской жизни⁹. В этом небольшом слое общества много запутано; нет ясных и определенных требований — но есть общие стремления и есть известные традиции, что несомненно придает ему особый колорит. Эти традиции, <вследствие> частью <характера> интересов, частью уклада жизни и характера отношений, особенно сильно действуют на людей, которые попадают в него из другой обстановки. Кажется, что все — всякое удовольствие, всякий шаг в этом обществе — разговор за чайным столом или вечеринка — как-то связано с чем-то идейным и представляет какой-то протест против гнетущего, тяжелого формализма, который душит <нас> в нашей жизни, не дает покоя. И это до известной степени верно.

Здесь же создалась известного рода культурность — известное требование необходимых знаний, пониманий, которые обязательно необходимы для всех членов этого общества. И эти требования, кажется, связаны непрерывной сетью с тем, чем жили лет тридцать назад и что сохраняется нерушимо, несмотря ни на какую смену времен и порядков.

Попавши впервые в эту среду, Иосиф Андреевич должен был ориентироваться и в новых для него вопросах, которые считалось *comme il faut* дебатировать в том молодом обществе, куда ему удалось войти. Вопросы о коллективизме и социализме, вопросы общественной этики, <вопросы о> терроризме и литературе являлись самыми живыми и не сходящими с вопросов дня. И он горячо и самостоятельно стал вдумываться в эти новые для него идеи и знания.

Однако наибольшее значение имели для него эти новые знакомства своей общественной стороной. Они дали ему тот приятный круг людей, где он мог весело, живо, свободно отдохнуть и провести время, где — в живой, здоровой молодой среде — он мог поделиться своими

впечатлениями, где он мог понять и почувствовать, что и он нужен <другим>, что и он живет <полнокровной жизнью>, что и он <создан> не для ремесла и не для неясных рамок обычной буржуазной семьи, — <что он> может жить, должен жить и живет не один во имя дорогих, горячо чувствуемых идей, а вместе с массой людей, согретых тем же духом.

Здесь же ему впервые пришлось столкнуться и с другим, новым для него, явлением — это с <особым> типом русской женщины. Мы говорим: «русской женщины», хотя очень мало русских женщин отзываются этому названию; но русская интеллигентная женщина, несомненно, представляет особый тип, придающий совершенно особый характер нашему обществу.

Трудно представить себе, как для чуткой, выросшей в ложной обстановке природы должно было подействовать такое чувство. Человеку, привыкшему к узким рамкам формальной семьи, встречавшемуся лишь с холодным практическим взглядом на жизнь, на ее цели и задачи, и старающемуся уйти <от всего этого> в более красивый, гармоничный мир абстракции — вдруг пришлось окунуться в какой-то живой, другой мир.

В этом мире все было иное. — Иначе относились к нему, иначе ценилась его мысль и его личность; в этом мире не стыдились высказывать идейные требования к жизни, а стыдились объяснять поступки требованиями практической жизни и практических потребностей — хотя бы такие требования <и потребности> и были. Здесь основные вопросы — о цели жизни, о цели деятельности, которые в том обществе не могли и подыматься, так как казались или решенными непреложно на веки-вечные, или праздными, — здесь постоянно, страстно, жадно обсуждались да обдумывались. Там каждый поступок обсуждался с точки зрения личной или семейной выгоды, с точки зрения личной или кастовой нравственности, — здесь они обсуждались с точки зрения общественной, общечеловеческой пользы, с точки зрения общественной нравственности.

Удивительно быстро освоился Иосиф Андреевич с этими вопросами; с жадностью его мысль перерабатывала массу нового материала и всюду искала решения. Этот элемент искания вносил Иосиф Андреевич всюду, кругом себя. Он схватывал каждый вопрос с различных точек зрения, нередко совершенно новых и неожиданных для того круга, среди которого ему пришлось вращаться. Мало-помалу все эти вопросы сделались для него родными...

Произошло неизбежное столкновение между прежней жизнью и обстановкой, <ранее окружавшей> Иосифа Андреевича и теми новыми идеями, которыми он стал жить и которые требовали всего человека, и всюду, на каждом шагу невольно стояли в противоречии с устоями его домашней среды.

Защита <магистерской> диссертации¹⁰. Работа над солнечными затмениями. Поездка за границу. Живые интересы там. Жизнь в Англии. Ее влияние на Иосифа Андреевича. Впечатления от свободной заграничной жизни. Статья о Кембридже в «Вестнике Европы»¹¹. Отдельные письма¹². Женитьба. Работа над математикой. Углубление в изучение политического и социального строя и жизни Европы. Возвращение в Россию. «Женский университет». Работа над <докторской> диссертацией¹³. Откладывание темы. Сознание долга не в одной научной работе. И так далее.

Неожиданная смерть¹⁴.

Февраль — март 1892 г.

(Архив РАН, ф. 518, оп. 1, д. 299, л. 1—8).

Примечания

¹ Имеются в виду реакционные реформы середины 1880-х г. в области высшего образования. В 1884 г. был принят новый устав, по которому лишались автономии университеты, отменялась выборность ректора, деканов и т. д. В 1885 г. были закрыты Высшие женские курсы. «Закрытие Высших женских учебных заведений и реформа Университета, — писал Вернадский жене 26 февраля 1892 г., — вызвала в нас всех никогда не пропадающие думы о высшем образовании. Создание библиографии по высшему образованию, рефераты-статьи Клейбера в „Русском Богатстве“, „Вестнике Европы“, попытка составления записки о медицинских курсах, попытка основания „Женского университета“» (Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1889—1892. М., 1991. С. 193).

² Миллер Орест Федорович (1833—1889), профессор историко-филологического факультета Петербургского университета (1870—1887), председатель Студенческого научно-литературного общества.

³ Перед Клейбером стояла его диссертация: он все время, неуклонно, несколько лет работал над теорией движения звезд и стремился понять звездную систему как целое. Я лично считаю эти его мысли — я знаю их и в состоянии оценить, так как когда-то эти вопросы были близки мне, и одно время мы вместе пытались работать над частным, сюда относящимся вопросом, — считаю эти его мысли очень важными и убежден, что он мог бы достигнуть здесь многого. Ему

пришлось работать относительно новым в астрономии методом — статистическим. Задача оказалась выше его знаний. Но Иосиф Андреевич неуклонно добивался ее: он обратился к изучению методов. Для этого: 1) небольшой частный вопрос (методологический), обработанный как магистерская диссертация, 2) целый ряд частных вопросов разных наук он пытался подчинить тому же методу, постепенно улучшая форму и глубину анализа. Этим являются его блукания в метеорологию, математическая теория экзаменов, математические отклонения в теории Дарвина. (Петербургские математики смеялись. В прошлом году в Англии возбудило общий интерес то же самое, сказанное другими). Его вычисление π из разных невозможных случаев etc. Интерес к приложению математического метода в других областях: в связи с общественными явлениями, психологией etc» (Там же, с. 193—194).

⁴ «Этические течения в это время вследствие неожиданного торжества реакции и нашей молодости особенно стали перед нами. Для Клейбера они выразились в его разрыве с семьей, переводе „Этики“ Вундта, статей Эберти» (там же, с. 193). Разрыв И. А. Клейбера с семьей произошел в результате его женитьбы на Лидии Владимировне Винберг, против чего возражали родители. Однако причины разрыва были глубже. О них далее пишет Вернадский в своем очерке.

⁵ Келлер Л. В., математик, астроном, метеоролог. Учился вместе с И. А. Клейбером на математическом отделении физико-математического факультета Петербургского университета. В 1924—1925 гг. совместно с А. А. Фридманом разработал систему характеристик структуры турбулентного потока, построил замкнутую систему уравнений, связав пульсации скорости и давления в двух точках потока в разные моменты времени.

⁶ Рейтлингер Николай Александрович, выпускник юридического факультета Петербургского университета, член Студенческого научно-литературного общества (с 1884), друг В. И. Вернадского.

⁷ В 1887 г. в журнале «Русское богатство» И. А. Клейбер опубликовал статьи: «Ускорение процесса письма», «Суточная нутация Земли», «Солнечное затмение 7 августа», «Зависимость между спектральными линиями химических элементов».

⁸ Двухтомная монография Вильгельма Вундта «Этика. Исследование фактов и законов нравственной жизни» была напечатана в журнале «Русское богатство» в 1887—1888 гг. в переводе с немецкого И. А. Клейбера. Это первое издание фундаментального труда Вундта на русском языке. Также благодаря Клейберу русский читатель впервые познакомился с работами немецкого философа и психолога Феликса Эберти (1812—1889). Так, в 1887 г. в его переводе вышла брошюра Эберти «Сверхчувственные идеи с научной точки зрения».

⁹ Имеется в виду кружок «Братство», в который по окончании Петербургского университета вошла небольшая часть студентов разных факультетов, связанных между собой наиболее тесными дружескими и духовными узами, ранее активных членов Студенческого научно-литературного общества. В «Братство» входили также и девушки, некоторые из них потом вышли замуж за «братьев» — В. И. Вернадского (Н. Е. Старицкая), С. С. Ольденбурга (А. П. Тимофеева), Д. И. Шаховского (А. Н. Сиротинина)...

¹⁰ Магистерскую диссертацию И. А. Клейбер защитил в Казанском университете, членом Общества естествоиспытателей которого (по физико-математической секции) он был избран ранее.

¹¹ «Клейбер убедился, что его математических знаний недостаточно, и отправился в Кембридж. Его занятия вопросами логики и генезиса методов привели его к вопросам наследственности: попытка программы наблюдений над детьми etc. Эта поездка за границу имела другие последствия: снова при взгляде на живую организацию Кембриджа стали вопросы о высшем образовании, в то же время рабочее движение Бельгии, свободная английская жизнь etc натолкнули его неудержимо на вопросы политической жизни. Он понимал их отвлеченно очень, но ставил резко, и мало у кого сознание своих *прав* так глубоко проникало в природу. Из Кембриджа Клейбер вынес: 1) знание математического метода (некоторые его математические статьи обратили там внимание) и 2) новую переработку методологических взглядов, отчасти под влиянием <профессора Кембриджского университета зоолога> А. Седжуика: его интерес к психическим явлениям и к гипнозу. Частный вопрос был обработан как докторская диссертация, а в сущности, Клейбер усиленно работал все над той же темой строения звездного мира, над которой работал с 1882 г. Он мне говорил, что лишь *одна* часть не поддавалась его анализу. Перед болезнью он усиленно работал над этой темой» В. И. Вернадский. Письма Н. Е. Вернадской, с. 194). В 1890 г. в двух номерах «Вестника Европы» была опубликована статья Клейбера «Кембриджский университет».

¹² В личном архиве В. И. Вернадского хранится 12 писем и почтовых открыток И. А. Клейбера, отправленных из Петербурга, Кембриджа, Лондона и других городов Европы в 1888—1891 гг. Судьба архива самого Клейбера остается до сих пор неясной.

¹³18 ноября 1889 г. И. А. Клейбер писал Вернадскому из Петербурга: «Окончил довольно большое вычисление движения звезд, из которого сделаю докторскую диссертацию, план которой таким образом уже готов, и я уже начал писать ее, так что страниц 50 уже написано, а для написания остальных нужно только время — в голове они уже у меня находятся». Увы, в этом же письме Клейбер пишет о первых тревожных симптомах болезни: «Я, как и почти все наши, несколько всхворнули в последнее время новую эпидемической болезнью, которая появилась в Петербурге, именно — „инфлюэнцией“, но это не имеет особого значения...» (Архив РАН, ф. 518, оп. 3, д. 766).

¹⁴Здоровье Иосифа Андреевича резко ухудшилось в середине второй половине 1891 г., о чем говорит последнее, хранящееся в фонде Вернадского письмо Клейбера к В. И. и Н. Е. Вернадским, датированное 9(21) сентября 1891 г. Приводим здесь его с незначительными сокращениями:

«Дорогие друзья мои, Владимир Иванович и Наталья Егоровна.

Получил я вчера диссертацию В. И. и благодарю за добрую о нас память. Буду ждать еще письма, в ответ на мое, из которого мы бы могли узнать, как вы живете-поживаете в Москве и как провели лето. А пока расскажу про себя и про нас.

Мы все лето кисли и продолжаем кихнуть. Я в Петербурге захворал плевритом. Говорят, что это последнее инфлюэнции. Пролежат в постели недели три, а когда несколько оправился, меня послали на поправление здоровья в Швейцарию. Со мной поехал Толя Винберг — он только что окончил гимназию, а теперь поступил в Университет.

Переезд длинный и для больного утомительный. Первый кусок дороги от Петербурга до городка Zoppot'a около Danzig'a я проделал, по-видимому, благополучно. В Zoppot'e жила летом моя сестра, с мужем и черырьма детьми. Здесь я собирался погостить дня два, но пришлось остаться целый месяц, потому что по приезде вскоре совсем расхворался: произошло довольно обильное кровохаркание, после которого я слег в постель и в течение двух недель не мог сказать двух слов подряд без сильного кашля и потери дыхания. Когда встал с постели — не мог ходить.

Из Петербурга приехали сперва мои родители, потом и жена с младенцем <...>. Меня перевезли в Берлин (причем на лестнице, в вокзалах и пр. носили в кресле, а по улице катали в fauteuil roulant <инвалидной коляске>). Там призвали др. Liebreich, который тоже послал в Швейцарию, и, наконец, с остановками во Франкфурте и Базеле, меня довезли до Vevey, где мы остановились на 3 недели.

Мои родители остались во Франкфурте, чтобы ехать в Wiesbaden <...>. И мы остались втроем с половиной — Лидия, Леся, младенец и я.

После Vevey поехали в горы — в Grion, на высоту 1100 м над уровнем моря, и провели там 4 недели. Здесь я настолько поправился, что теперь говорю и хожу (тихим шагом) довольно свободно, хотя плеврит остается в прежней силе. Это скверная болезнь, которую, как говорят доктора, раньше чем в два года нельзя прогнать. В течение этого времени я не должен возвращаться не только в Петербург, но и вообще в Россию, а пребывать там, куда посылают врачи. Еще пока не решено, где мы будем жить зимой, — где-нибудь здесь, на юге.

Болезнь вообще скучно, а когда не можешь не только заниматься никаким делом, но и говорить, и ходить трудно — еще скучнее. И я все лето сильно скучал. Боюсь, как бы не заставили скучать и зимой, если сошлют в какой-нибудь Kurort в горах.

С Университетом придется надолго расстаться. Не знаю еще, что будет с моей докторской диссертацией, которую я подал в мае. Ожидаю, что в Петербурге ее провалят. Тогда, вероятно, подам ее вторично в Одессу.

Несколько других, мелких работ, начатых зимою, пришлось прервать — теперь совсем не работается. Надеюсь зимой опять хоть немного признаться. Боюсь за время лечения отстать от времени. Если меня поселят не в университетском городе, если у меня не будет библиотеки — то потом трудно будет догнать пропущенное <...>.

Да, чуть опять не забыл сказать. Когда мы крестили нашу Нинушу, у нас крестными были: мой брат и Леся, но, кроме того, записали еще одну пару «отсутствующих крестных» (abwesende Patzen). Эти двое суть Володя Келлер и Наталья Егоровна. До сих пор не собрался или все забывал написать об этом <...>» (там же).

Вскоре Иосифа Андреевича Клейбера не стало...

Впервые публикуемый очерк посвящен памяти И. А. Клейбера и 130-летию со дня рождения В. И. Вернадского.

Вступительная статья, публикация и примечания И. И. Мочалова и Г. А. Фирсовой